

УДК 378(571.16)
DOI: 10.17223/19988613/71/7

А.О. Степнов

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ И АВТОНОМИИ В ТОМСКОМ НАУЧНОМ МИКРОСОЦИУМЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: АУТОПОЭЗИС И СТРУКТУРНАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90003.

Сквозь призму теории аутопоэзиса и ее социологической рецепции Н. Лумана рассматривается история академического микросоциума г. Томска в период Великой Отечественной войны. Обосновывается значение самореферентных (традиционных) отсылок в его развитии на неклассическом этапе. Соотношение аутопоэзиса и структурной сопряженности позволяет углубить категорию «академической автономии» и приблизиться к пониманию «генетической» кодификации сообщества, зафиксированной в его организационных абрисах, бытовом дискурсе, практиках обращения с надындивидуальными символами.

Ключевые слова: аутопоэзис; структурная сопряженность; Томск; микросоциум; научное сообщество; самореференция.

Массовое самосознание человечества исторически обречено на рефлексивную замкнутость в круге простых, но в то же время безнадежно открытых вопросов. Один из них, несомненно, касается самого определения жизни: доминирующая форма самоидентификации homo так и не достигла логической законченности, то и дело размытая в противоречивости собственных оснований.

Living is cognition – такова наиболее лаконичная формула, увенчавшая длительные поиски на очередном витке рассуждений о природе жизни. Данную формулу применил философ Эван Томпсон – ученик и соавтор Ф. Варелы. Как считается, перспективный взгляд последнего в дополнение к опыту и устоявшимся взглядам его старшего коллеги и единомышленника У. Матураны и породили знаковую для современного интеллектуального сообщества теорию аутопоэзиса. Подчеркнем при этом, что прототипические ей положения, по мнению В.В. Дамье, были сформулированы еще П.А. Кропоткиным [1]. Родственной аутопоэзису считается и концепция автоэволюции С. Лема («Сумма технологий», идеи автореференции нашли преломление и в его художественных текстах [2]).

Теория изложена в монографии Варелы и Матураны «Древо познания» [3]. Ее фундаментальные основы являются в некотором роде скандализирующими для обыденного сознания. В рамках предложенной концепции условия отношений к окружающему миру представлялись самогенерированными нервной деятельностью, а сама нервная система становилась системой закрытого типа [4. С. 373–374].

Жизнь становится разумом, а разум растворяет в себе жизнь. Сторонний наблюдатель едва ли совершит ошибку, если в качестве следствий, так же и основ данной теории увидит дискредитацию принципа отражения и классического восприятия системы референтов, а главное, отсутствие объективного внешнего мира, что и заставляет нас определять начала Варелы и Матураны в разряд методологического солипсизма.

Трансгрессия знакомых нам идентичностных моделей кажется далекой от строгого идеала биологичности и более напоминает философскую эквилибристику, столь привычную в качестве объекта нашего скепсиса. Действительно, именно феноменология Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти вдохновляла Варелу, который со студенческих лет приобрел репутацию философа в биологии. Он концептуализировал аутопоэзис как частный случай онтологического поворота в XX в.

Сам термин «аутопоэзис» имеет гуманитарные истоки. По воспоминаниям Варелы, он был навеян диссертацией Х.М. Булнеса, посвященной Дон Кихоту и рассматривающей различия между историческими категориями praxis и poesis (см.: [4. С. 374]). В соединении с приставкой «ауто» заглавное понятие новой теории и получило свой эскиз, где, как и на картине М. Эшера, производитель не отделен от продукта, а «операция представляет собой условие производства операции» [5. С. 114–115].

Отметим, что предложенная Варелой и Матураной теория встретила неоднозначную реакцию сообщества. Критика поставила под удар не только ее эпистемологические основы (Д. Золо назвал ее «бездушной теологией»), но и научную оригинальность. Замечается, что теория аутопоэзиса, по сути, не привнесла ничего нового, а систематизированные в ней вопросы уже давно являлись частью биологического дискурса (К. Ленгтон, см.: [6]).

Даже Луман, в творческой биографии которого «аутопоэзис» является едва ли не краеугольным, в одной из своих лекций заявил: «Собственно говоря, с помощью аутопойесиса (в русскоязычных транскрипциях принято несколько употреблений термина. – А.С.) ничего нельзя объяснить» [5. С. 118].

Так или иначе, мы не откажем себе в мудрости, если за данной, бесспорно впечатляющей, теорией признаем ее эвристическую ценность. Отсюда вытекает иной, во многом противоположный, подход, освещающий данную теорию в инновационном свете. «Мы

пускаемся в путешествие, которое было осознанно революционным и антиортодоксальным», – вспоминал Варела (цит. по: [4. С. 375]).

Тот же Луман, демонстрируя обратную сторону теории и своего отношения к ней, рассматривал аутопоэзис как радикальный подход. «Эта радикальность, – подчеркивал он, – проистекает из тезиса оперативной закрытости... Становится ясно, что влечет за собой разрыв с теорией познания, которая принадлежала к онтологической традиции и полагала, что нечто из окружающего мира проникает в познающего, так что окружающий мир таким образом репрезентируется, отражается, имитируется или стимулируется внутри познающей системы». Немецкий социолог примиряет противоречивые подходы, представляя аутопоэзис как метатеорию, отвечающую на «что-вопросы» [5. С. 118–119].

Аутопоэзисная метатеоретичность, рассмотрение объектов в свете операциональной замкнутости, структурного детерминизма, автономии предопределили междисциплинарную популярность теории. Варела при этом не без предубеждения смотрел на ее экспорт в социальные науки: «Я настроен очень враждебно ко всяким попыткам распространить понятие аутопоэзиса и против того, чтобы осмысливать общество согласно моделям эмерджентности. Хотя в некотором смысле мы и не впадаем в заблуждение, рассматривая вещи таким образом, но все же это чрезвычайно тонкие вопросы, и я отказываюсь применять понятие аутопоэзиса в социальном плане» (цит. по: [7. С. 96]).

Но процесс, несмотря на увещевания отца-основателя, пошел. Базисные установки аутопоэзиса сегодня применяются в языкознании и литературоведении, философии техники и особенно в исследованиях интернет-пространства [8].

Стремясь не впасть в заблуждение «слепого» хорова, выведем в центр исследования аутопоэзисную экстраполяцию на сферу истории пространственно и хронологически локализованной социокультурной системы. И здесь мы, быть может, обманывая себя излишними иллюзиями, в непривычном виде актуализируем предмет текущего исследования – томский академический микросоциум в неклассический период.

Томск – место, урбанистическая легенда которого выстроена вокруг идеи университета. Трудно переоценить ее генетически европейскую контрастность в сочетании с историко-географической изолированностью и отчужденностью сибирского региона. Решение о создании первого в азиатской части Российской империи университета в 1870-х гг. во многом явилось радикальным по эффекту в восприятии современников. Затерянный в глубинах Северной Азии Томск стал пространственной ойкуменой для научного сообщества, которому в своем историческом развитии предстояло пройти долгий путь.

К периоду Великой Отечественной войны это общество оформилось в законченных чертах корпоративной операциональности, имея репутацию «старейшего культурного центра Сибири», – символ местного корпоративного сознания, на протяжении многих лет умело эксплуатируемый прессой. Нет острой необхо-

димости в свете избранной концепции обосновывать хронологические рамки исследования: рассматривая образ академического микросоциума в период Великой войны 1941–1945 гг., мы встречаем его во всей эксплицируемой историчной целостности, зафиксированной в «хрониках» поколенческой памяти сообщества.

Память – ключевая категориальная единица, лежащая в основе понимания рассматриваемого предмета. «В настоящем и только в настоящем, – пишет Луман, – существует сопряженность того, что обычно называют памятью... Память есть не что иное, как текущая проверка консистентности различной информации в свете определенных ожиданий, будь то желание чего-то достичь, страх перед чем-то или восприятие наступления чего-то и желания отреагировать на это» [5. С. 105–106].

Реакция на мобилизацию памяти, таким образом, становится триггером аутопоэтического состояния, операциональной конфигурации «индивидуальности» надындивидуальной сущности. Достаточно посмотреть на любое публичное обращение ученых г. Томска в первые и последующие дни и годы войны, чтобы зафиксировать, как переживание «тяжелого момента» [9. 1941. 6 июля] активизирует самосозидательный (здесь мы обращаемся к исходной семантике *poesis*) механизм сообщества.

Как уже отмечалось, Луман в своих концептуальных изысканиях был склонен воспринимать понятие «аутопоэзис» не как объяснительную и эмпирически направляющую модель, но в качестве метатеории. Поэтому в свете недостаточности данной категории в социогуманитарных исследованиях («эволюцию комплексных систем нельзя объяснить с помощью понятия аутопойесиса») и была обоснована актуальность предложенной Матураной категории «структурной сопряженности» для объяснения «того, что он называл “structural drift”» [5. С. 119].

Структурная сопряженность в общей композиции аутопоэзиса зависит и в некотором смысле противопоставляется структурному детерминизму. Именно структурно детерминированное, замкнутое состояние позволяет организму жить в условиях воздействия «внешнего», сохраняя внутреннюю идентичность и, соответственно, избегая энтропии. Вот как, дидактически доходчиво, объясняет данное понятие Е.Н. Князева: «И система, и окружающая среда обоюдно активны. Если процесс их взаимного испытания не завершается распадом системы, то в результате они оказываются взаимно структурно подогнанными друг к другу. Система активно адаптируется к окружающей среде, которая в свою очередь также видоизменяется как бы “навстречу ей”. Процесс налаживания их сосуществования, обустройства их совместной “жизни” называют процессом коэволюции, а результат этого процесса и есть структурное сопряжение сложной системы и среды» [4. С. 384]. Добавим, что структурная сопряженность является той линией, траекторией которой определяет соотношение аутопоэтичности и трансформации в виде самодостраивания и самообновления. Аутопоэтичность не означает изолированности: система меняется, но ровно до тех пор, пока эти изменения совместимы с жизненным интегративным кодом «организма».

Ментальный взрыв начала Великой Отечественной войны привел томское научное сообщество в состояние того, что называют неравновесностью системы и ее флуктуацией. Не стоит в данном контексте воспринимать неравновесность в классическом смысле, поскольку «нарушение передает в систему из сферы возможного что-то актуальное на данный момент», т.е. можно утверждать, и неравновесие способствует поддержанию стабильности [5. С. 130]. Бесспорно, сообщество претерпело целый ряд изменений. Не будет преувеличением сказать, что его аутопоэзисная «генная» кодификация получила новое прочтение, что отразилось на знаковой для истории науки Сибири деятельности Томского комитета ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время (далее также – ТКУ). Чтобы в некотором роде расшифровать движущие символы и сущность этих изменений, обратимся к истории создания данного органа.

Местные ученые, по всей видимости, изрядно удивив городскую власть, в первые же дни войны предложили трансформировать устоявшуюся научную систему города созданием нового типа, на первый взгляд, ранее не апробированного, организации научного сообщества. Традиционно принято считать, что инициатива исходила от ряда авторитетных ученых города: Б.П. Токина, М.К. Коровина, В.Д. Кузнецова и др. [10. С. 11]. Есть основание предположить, что последний был основным генератором данной идеи, потому как именно он в своих выступлениях отразил «референтное поле» замысла. В одном из докладов начала войны Кузнецов отмечал: «В капиталистических странах вся наука поставлена на службу войне. В США летом 1940 г. организован Исследовательский комитет национальной обороны (Национальный комитет оборонных исследований. – А.С.), во главе которого поставлен доктор Буш – председатель (президент. – А.С.) Института Карнеги в Вашингтоне; его членами являются представители науки и военного и морского министерств» [11. Л. 5].

Вэннивера Буша, американского ученого-изобретателя, инженера и организатора науки, нередко называют создателем американской научной политики. Пользуясь большими связями и влиянием в политических кругах США и во многом благодаря успехам в качестве руководителя Национального комитета оборонных исследований в военное время, в конце Второй мировой войны он, после обнародования своего доклада «Science: the endless frontier» (1945), обращенного к Президенту, дал начало практической реализации либеральной парадигмы научной политики в США.

Парадоксально, но данный тип организации, на который убедительно ссылается Кузнецов как на источник замысла, во многом возник в пику советской научной «действительности». М. Полани, апологет и вдохновитель либеральной научной парадигмы, в 1930-е гг. лично побывавший в СССР в качестве приглашенного Наркоматом тяжелой промышленности лектора, строил свои научно-социологические концепции не в последнюю очередь на отрицании увиденного в стране «победившего социализма».

Еще более любопытной представляется ориентация профессора Кузнецова на предвоенный опыт организации науки в Германии, где, по его словам, «в 1937 г. при Министерстве науки и народного образования был создан Императорский совет по научным исследованиям для объединения и направления исследовательских работ и для обеспечения задач военно-хозяйственной подготовки» [11. Там же. 6].

Упомянутый Совет действительно существовал и состоял из представителей различных наук, которые направляли планирование и научно-исследовательскую деятельность ученых университетов и высших технических учебных заведений Германии и 30 научно-исследовательских институтов Общества кайзера Вильгельма. Однако данная структура не имела полномочий координировать деятельность всех ученых государства. Наряду с советом существовали «совершенно независимая промышленная научно-исследовательская организация» (включала в себя лаборатории промышленных гигантов I.G. Farbenindustrie, Zeiss AG, Siemens Aktiengesellschaft, Всеобщей компании электричества и т.д.), а также научно-исследовательский аппарат вооруженных сил. Приказ Гитлера начала войны о неразглашении тайн и секретов, а также недостатки в системной, сетевой организации науки страны, где к тому же после прихода нацистов к власти интеллигенция, в том числен и академическая, была маргинализована, в конечном итоге привели к тому, что «отдельные области исследований все больше и больше изолировались друг от друга», а «ученый-исследователь какого-либо высшего учебного заведения не только ничего не знал, но даже и не подозревал о тех исследованиях, открытиях и усовершенствованиях, которые производились в промышленных лабораториях» [12. С. 339–343]. Это позволяет нам говорить о науке национал-социалистской Германии как о поликратическом картеле блоков власти (Ф. Нойман), т.е. об отсутствии единой научной политики в правительстве Гитлера. Нельзя не упомянуть и о том, что кризисные явления немецкой науки 1930-х – первой половины 1940-х гг. усиливались целым комплексом других факторов (идеологическое давление, расовая гигиена, нарушение культурного обмена (более подробно см.: [13])), что не могло не привести к деструкции жизненных кодов научных сообществ.

Следствием этого стало явное, по сравнению с ее противниками, научное отставание Германии в последние годы Второй мировой войны, которое контрастировало с гигантскими научными наработками немецких ученых по самым разным направлениям, убедительной иллюстрацией чего стал «трофейный поход» союзников и СССР в «научную Германию» конца войны. Известно, что, «по самым осторожным подсчетам, победителями было конфисковано 346 тыс. германских патентов, а результаты исследований в промышленности во всех государственных и даже частных научно-исследовательских учреждениях были изъяты у их хозяев и исчислялись не количеством страниц, а количеством тонн» [12. С. 336].

Организация науки в Германии того периода лишь на первый и в некотором смысле непросвещенный

взгляд казалась эффективной. Полагаем, что апеллирование к данному примеру со стороны В.Д. Кузнецова явилось результатом недостаточной осведомленности в данном вопросе, что объяснимо, учитывая коммуникационные реалии тех лет.

Какова природа опоры на «пустой» референт в реализации успешного и самобытного научно-организационного проекта в томском научном сообществе времен войны? Стал ли очередной виток развития и трансформации данного микросоциума итогом симулякрального генезиса или он имел иное происхождение?

Местная «Республика ученых», бесспорно, имеет в своем развитии циклические линии восхождения. Ситуация, аналогичная периоду Великой Отечественной, сложилась в этом городе в годы другой войны – Гражданской. И хотя сравнительно-исторического анализа двух этих периодов в истории научного микросоциума Томска не проводилось, есть основания зафиксировать целый ряд общих черт в развитии. В обоих случаях имела место атмосфера мобилизации, ментального «включения» – то, что мы назовем аутопоэзисным напряжением. Схожи и организационные «скелеты» двух периодов – Институт исследования Сибири (1919–1920) и Томский комитет ученых. И тот и другой имели специализированную и иерархичную, «пирамидальную» структуру. Так, Институт исследования Сибири работал в составе двух отделений (Среднесибирского и Дальневосточного) и шести отделов (бальнеологии и курортоведения, естественно-исторического и т.д.), функционировавших в Томске [14. С. 13].

ТКУ, имевший более широкий жизненный цикл, видоизменялся динамичнее, но все-таки был также основан на специализации: в его составе функционировали постоянные и временные структуры: консультационное, химическое, медико-биологическое, транспортное бюро, комиссия по улучшению быта ученых и т.д. Координационную деятельность осуществлял Президиум комитета, за которым в уставе было закреплено «право давать научно-технические и организационно-научные поручения ученым и инженерам» [Там же. С. 26]. Ориентированы обе структуры были в первую очередь на реализацию региональных научно-исследовательских проектов. Заметна и общая для них привилегия аккумулировать и распределять финансирование без видимого внешнего давления. Так, согласно «Положению о ТКУ», орган «распоряжался средствами, отпускаемыми Научным советом при Новосибирском облисполкоме». Деньги переводились непосредственно на счет Сибирского физико-технического института, своеобразного «штаба» ТКУ, с пометкой «Для Томского комитета ученых». В извещении от ноября 1941 г. секретаря Томского горкома С.С. Чернышева и председателя горисполкома ВКП(б) Г.Н. Годовицына на имя управляющего томским отделением Госбанка подчеркивалось, что председатель Б.П. Токин и его ответственный секретарь К.А. Водопьянов «имеют право распоряжаться финансовыми средствами комитета ученых» [15. Л. 48].

Отметим, что В.Д. Кузнецов в 1919 г. принимал участие в организационном съезде Института исследо-

вания Сибири [16. С. 218]. Именно он с началом Великой Отечественной войны стал проводником автовоспроизводящей схемы «перерождения» микросоциума, в коммуникационном плане, по сути, сделав самореферентную ссылку, маскируя ее под ложный референт.

Генерирующие аутопоэзисные коды томского академического микросоциума – топоцентрика и образ культурно-исторического ландшафта – стали теми силами, которые ассимилировали культурное разнообразие в этом космополитическом сообществе, что связано с высокой мобильностью ученых в нем. Так, тот же В.Д. Кузнецов в письме заместителю председателя СНК Р.С. Землячке от 28 декабря 1941 г. использует (в противовес ложным референтам) иной символический словарь, называя Томск «Сибирскими Афинами» и «Советским Оксфордом» [17. Л. 53 об.]. К схожему метафорическому аппарату прибегал, например, профессор Томского университета И.Н. Бутаков, в одной из своих докладных записок называя город «научным центром Сибири», «очагом культуры, давшим народу выдающихся ученых». В то время когда в Томске планировалось организовывать Западно-Сибирский филиал АН СССР, идея Сибири вновь предстала доминирующей. При нем предполагалось создать научную комиссию по истории и экономике Сибири [18. Л. 105 об.], а деятельность филиала выстраивать по принципу развития этого региона, демонстрируя, «какими большими возможностями располагает советская Сибирь» [19. Л. 6–11].

Анализ риторики выступлений ученых города показывает, что именно топоцентрические аспекты определили формы основной самоидентификации сообщества. Стоит сказать, что данная операциональная цепь поддерживалась в некотором отношении за счет табуирования «советской» или (в дореволюционный период) «российской» идентичностных моделей. «Этот город, – писал в военные годы тот же профессор Бутаков, – надо поставить в совершенно исключительные условия, ибо он не подходит ни под какой советский стандарт, в отношении него приходится сделать исключение из общих правил» [Там же. Л. 20–31 об.].

Что касается потенциальных изменений системы и ее взаимодействия с «окружающим», то выстраивается последнее по принципу редукции сложности. Исходя из посылки о том, что аутопоэзис постоянен в своем состоянии и конфигурациях, символический обмен «мира» и данной системы происходит через структуры, «сопряженность которых всегда очень избирательна». Луман определяет структурную сопряженность как «глубоко селективную систему», из массы возможностей «мира» избирающую отдельные, «включенные» образцы [5. С. 125, 127]. В этом смысле чем более комплексной является система, тем выше ее устойчивость.

Таким образом, те структурно сопряженные изменения, которыми отмечается научное сообщество, как писал Луман, «ортогональны аутопойесису». Иными словами, пока жива система со своей «индивидуальностью», никакие структурные экспансии не могут ее разрушить. «Бывают разные структуры, – добавляет Луман, – и тезис гласит, что структурное развитие

возможно до тех пор, пока функционирует аутопойесис... Окружающий мир может разрушить систему, но не может способствовать ее сохранению» [5. С. 124].

Отметим, что под структурами мы понимаем единство компонентов системы и способов их взаимодействия в пространстве этой системы. Это избавляет нас от специфичной вульгаризации данного понятия в ходе исторической рецепции (структуры – это не структурные части сообщества, т.е. не совокупность людей, вузов, лабораторий и т.д.), и выводит на первый план иные смыслы: в рамках сообщества мы наблюдаем повседневные структуры, политическую активность, способы элиминации «исключенного», педагогическую культуру и т.д.

Ситуацию структурной сопряженности при сохранении аутопоэтического ядра в рассматриваемом микросоциуме наглядно иллюстрирует история его взаимодействия с партийной культурой, агрессивная экспансия которой заявила о себе по окончании Гражданской войны. Кризисность возникшей ситуации заключалась в том, что объектом атаки стало множество структур одновременно: в образовании она осуществлялась через пролетаризацию студенчества, в администрации вузов – через представительство партийных функционеров и – одно время – студентов (чаще всего соответствующих политических взглядов), в академических практиках – через ликвидацию степеней и традиционных способов научной инициации (защиты квалификационных работ), в бытовой повседневности – через обнищание и «ментальную репрессию» (см.: [20]) профессоров и преподавателей.

Данные факторы спровоцировали радикальные изменения в сообществе: в 1920-е гг. оно оказалось на грани распада (см.: [21. С. 174–176]). Именно аутопоэзис, доминанта самореферентности позволяют нам приблизиться к ответу, почему уже в 1930-е гг. произошел циклический поворот, результаты которого проявились в Великую Отечественную войну.

Автономия как непреходящая ценность академических организмов созвучна аутопоэтической сущности системы. Именно автономной представляется жизнь сообщества, в котором во многом по классическим канонам были реставрированы и образование, и административная система, и система ученых званий и степеней. Конечно же, нельзя не признать, что в рассматриваемый период партийные структуры были вплетены в академическую жизнь. К тому же и многие профессора состояли в партии и включали этот аспект в понятие идентичности сообщества.

И все-таки партия не стала определяющим фактором в жизни томского научного микросоциума. Упомянем в связи с этим тот факт, что, например, большинство членов ТКУ, титульного научно-координационного органа города, были беспартийными. Это А.Г. Савиных и Д.И. Гольдберг, А.И. Бутаков и М.К. Коровин, И.В. Геблер и А.А. Заварзин, упомянутый выше В.Д. Кузнецов (вступил в ВКП(б) лишь в 1945 г.). Подчеркнем, что это видные и авторитетные люди, определявшие образ ученого города. Нельзя обойти стороной и то, что двое из членов комитета ранее были репрессированы, и один из них при этом занимал

должность председателя этого органа (речь о Б.П. Токине; его коллега Н.А. Чинакал в 1928 г. был осужден по «Шахтинскому делу» на 6 лет строгого режима).

Подчеркнем, что актуализация автономии научного сообщества в годы Великой Отечественной войны носила расширительный характер. Историк Н.Л. Кременцов писал по этому поводу: «Война заставила чиновников положиться на знания и умения военных, промышленных, научных и технических специалистов во всех сферах жизни, приведя таким образом к ослаблению партийного контроля и усилению местной инициативы и автономии» [22. С. 783]. Это привело к изменению аппарата управления наукой по принципу децентрализации (создание множества филиалов академий, централизованных по региональному признаку), усилению роли технократов в государственной машине, наконец, к частичному разрушению изоляции и установлению международных контактов.

Партия не изменила «группу крови» сообщества (что отражено в истории многих академических структур страны, среди которых особое место занимает Академия наук с более чем двухсотлетней историей), что во многом стало результатом самовоспроизводства и восходящей «аутопоэтической» цикличности традиции, растворенной во всех сферах социума, в том числе и быте ученых. Из газетных материалов мы можем узнать, что в дни войны Н.В. Вершинин (один из старейших на тот момент профессоров города), например, пожертвовал в Фонд обороны золотые часы, цепь, кольцо, золотые монеты и редчайший Цейссовский бинокль [9. 1941. 5 авг.], а его коллега А.Е. Абрамович для тех же благородных целей сдал облигации займа на сумму 12 110 руб. (достаточно внушительная сумма). Нашлись среди запасов профессора и двое золотых часов и золотая монета номиналом в 20 долларов [Там же. 14 авг.].

Закрывая эту тему, требующую более детального исследования, отметим главное. Бытовые практики, условия жизни профессуры к 1940-м гг. во многом сохранили очертания классического, уходящего еще в дореволюционное время канона. Этот бытовой дискурс во многих аспектах отражал потенциал академического аутопоэза, в рамках которого, как в случае с неизвестным нам профессором – героем повести Булгакова, пролетарская революция не является поводом для отказа от обеда в собственной гостиной, поданного нанятой для этого «социал-прислужницей».

Вышесказанное приводит нас к выводу о том, что в рамках избранной концептуализации и хронологического периода в ином свете предстает фундаментальное для научного сообщества понятие «автономия». Привычно воспринимаемая как независимость от власти, прописанная в уставе, здесь она приобретает более глубокие очертания, связанные с практиками самореферентности и самовоспроизведения как инструментов сохранения системного «Я». Рассмотренная проблема лишь отчасти проясняет для нас контуры человека, встроенного в конструкт традиции и мемориальных хроник на карте сообщества.

Отметим в заключение, возвращаясь к аргументу Лумана, что теория аутопоэзиса действительно не объ-

ясняет исследованную реальность «Советского Оксфорда», но в то же время служит концептуальным аппаратом, позволяющим обнаружить (и понять) те тенденции развития, которые были бы неочевидными при ее отсутствии, приближающим нас к ответу на вопрос, что представляет собой рассматриваемый феномен прошлого. Подчеркнем, что, на наш взгляд, понятие аутопоэз применимо преимущественно к локализованным региональным системам неклассического этапа развития науки, когда тенденции глобализации еще не начали размывать изначальность общности.

Самовоспроизводящаяся модель академического мира Томска, фиксируемая в организационных абрисах, бытовом дискурсе, практиках обращения с надындивидуальными символами, во многом проливает свет на самобытность системы, которая возникла и развивалась в столь экзотическом месте.

Все это заставляет нас прислушиваться к голосу сообщества, к тем, подчас неявным, смыслам, которые через смерть и возрождение воссоздают примордиальный облик, растворенный в исторической самотождественности академического микросоциума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамье В.В. Кропоткин и биология аутопоэзиса // Международная ассоциация трудящихся. URL: <http://www.aitrus.info/node/4550> (дата обращения: 11.11.2019).
2. Бразговская Е.Е., Смердова Е.А. Когнитивный потенциал автореференции: самоописания в прозе Станислава Лема // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 94–102.
3. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
4. Князева Е.Н. Аутопоэзис: становление, развитие и успех идеи // Синергетика: антология / науч. ред., сост., авт. переводов и вступ. ст. Е.Н. Князева. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 371–397.
5. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Дирка Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Логос, 2007. 360 с.
6. Boryu J., Brier S. Foreword: The Ages of Francisco Varela // Cybernetics & Human Knowing. 2002. Vol. 9, № 2. P. 5–8.
7. Князева Е.Н. Творческий путь Франсиско Варелы: от теории аутопоэзиса до новой концепции в когнитивной науке // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 91–104.
8. Лавренчук Е.А. Аутопоэзис // Vox: электронный журнал. 2011. Вып. 11. URL: <https://vox-journal.org/content/Vox11-Lavrenchuk-Au.pdf> (дата обращения: 15.11.2019).
9. Красное знамя: орган Томского горкома ВКП(б) и Городского совета депутатов трудящихся (с августа 1944 г. – Томского обкома ВКП(б) и Областного совета депутатов трудящихся). Томск.
10. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Литвинов А.В., Приль Л.Н., Васильева Е.В., Сорокин А.Н., Зленко К.В., Степнов А.О., Афанасенков В.О. Томский комитет ученых во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: исторический очерк // Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд. Дом ТГУ, 2015. С. 9–37.
11. Государственный архив Томской области (далее – ГАО). Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 189.
12. Расцвет и упадок германской науки в период Второй мировой войны // Итоги Второй мировой войны: сб. статей. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 335–355.
13. Уолкер М. Науки при национал-социализме (пер. Э.И. Колчинского) // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 701–727.
14. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А. Из истории института исследования Сибири // Журналы заседания совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 5–43.
15. Центр документации новейшей истории Томской области (далее ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Оп. 2. Д. 1.
16. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В. Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
17. ГАО. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 700.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 7.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 9.
20. Степнов А.О. «Охота на ведьм» в томском академическом микросоциуме: к проблеме ментального бытия русской профессуры в условиях деформации классовой идентичности в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 53–65.
21. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Трансформация корпоративной идентичности и имиджа Томского университета в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 172–181.
22. Кременцов Н.Л. Советская наука и война // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 783–817.

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

THE PROBLEM OF TRADITION AND AUTONOMY IN THE TOMSK SCIENTIFIC MICROSOCIUM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: AUTOPOIESIS AND STRUCTURAL COUPLING

Keywords: autopoiesis; strstural coupling; Tomsk; Microsociety; scientific community; self-reference.

In the article separate episodes from the history of the academic microsociey of Tomsk during the Great Patriotic war are considered. The subject of the study is updated through a conceptualization of the Autopoiesis theory and its sociological reception of N. Luhmann. A brief review of the basic concepts of this theory (autopoiesis, operative closure, structural coupling) is given. Its potential as a view of interdisciplinary tools is studied. It is emphasized that today it is already used in linguistics and literary studies, philosophy of technology and research of the Internet-space. Through the prism of the category "memory", that introduced by Luhmann in the context of autopoiesis, the reference field of the organizational construct of the Tomsk scientific community during the Great Patriotic war – the Tomsk Committee of scientists – is analyzed. It is proved that reference in concept of the Committee to foreign experience of development of science (the USA, Germany) by the Professor-physicist of Tomsk state university V.D. Kuznetsov had paradoxical character and therefore represents the "false", or empty, referent. A brief comparative historical analysis of two periods in the development of Tomsk scientific community – in the Civil (1918-1920), on the one hand, and the Great Patriotic war (1941-1945), on the other hand, – shows us that the structural organization and the "symbolic foundation" of the "Republic of scientists" of Tomsk during the Great Patriotic war were cyclical and self-referential. It is concluded, on the example of relations between the Bolshevik party and the Tomsk community of scientists during the 1920s – the first half of the 1940s, that autopoiesis served as a factor in the preservation of the rising tradition of microsociety, and its coexistence with the party culture developed on the basis of structural coupling. This created between

them a kind of space "nobody's land". It is emphasized that during the non-classical period the autopoietic basis, which associated with the pre-revolutionary era, of the Tomsk academic microsocium included the topocentral aspect ("Tomsk as the oldest cultural center of North Asia") and the image of the cultural and historical landscape ("Siberia"). This is reflected in the rhetoric of scientists, the choice of the dominant, strategic directions of research activities of the community, symbolic attributes (interest in the history of the region, emphasis on its exclusivity). Autopoietic, primordial codification of the scientific community is fixed in its organizational outline, everyday discourse, reference to supra-individual symbols. This, in turn, is the main feature of "academic autonomy" in a modernised, non-classical sense of this category.

REFERENCES

1. Damier, V.V. (n.d.) *Kropotkin i biologiya autopoezisa* [Kropotkin and the biology of autopoiesis]. [Online] Available from: <http://www.aitrus.info/node/4550> (Accessed: 11th November 2019).
2. Brazgovskaya, E.E. & Smerdova, E.A. (2013) Kognitivnyy potentsial avtoreferentsii: samoopisaniya v proze Stanislava Lema [Cognitive potential of autoreference: self-description in Stanislav Lem's prose]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2(22). pp. 94–102.
3. Maturana, U. & Varela, F. (2001) *Drevo poznaniya* [The Tree of Knowledge]. Translated from English by Yu.A. Danilov. Moscow: Progress-Traditsiya.
4. Knyazeva, E.N. (2013) Avtopoezis: stanovlenie, razvitiye i uspekhi idei [Autopoiesis: formation, development, and success of an idea]. In: Knyazeva, E.N. (ed.) *Sinergetika: antologiya* [Synergetics: an anthology]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 371–397.
5. Luhmann, N. (2007) *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to the System Theory]. Translated from German by K. Timofeev. Moscow: Logos.
6. Bopry, J. & Brier, S. (2002) Foreword: The Ages of Francisco Varela. *Cybernetics & Human Knowing*. 9(2). pp. 5–8.
7. Knyazeva, E.N. (2005) Tvorcheskiy put' Fransisko Varely: ot teorii avtopoezisa do novoy kontseptsii v kognitivnoy nauke [The creative path of Francisco Varela: from the theory of autopoiesis to a new concept in cognitive science]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 91–104.
8. Lavrenchuk, E.A. (2011) Autopoyezis [Autopoiesis]. *Vox*. 11. [Online] Available from: <https://vox-journal.org/content/Vox11-Lavrenchuk-Au.pdf> (Accessed: 15th November 2019).
9. Tomsk Region. (n.d.) *Krasnoe znayma: organ Tomskogo gorkoma VKP(b) i Gorodskogo soveta deputatov trudyashchikhsya (s avgusta 1944 g. – Tomskogo obkoma VKP(b) i Oblastnogo soveta deputatov trudyashchikhsya)* [Krasnoe znayma: organ of the Tomsk City Committee of the CPSU (b) and the City Council of Working People's Deputies (since August 1944 – the Tomsk Regional Committee of the CPSU (b) and the Regional Council of Working People's Deputies)]. Tomsk: Krasnoe znayma.
10. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Litvinov, A.V., Pril, L.N., Vasilieva, E.V., Sorokin, A.N., Zlenko, K.V., Stepnov, A.O., Afanasenkov, V.O. (2015) Tomskiy komitet uchenykh vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: istoricheskiy ocherk [The Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: a historical sketch]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Tomskiy komitet uchenykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–37.
11. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-1562. List 1. File 189.
12. Tissen, P. (1957) Rastsvet i upadok germanskoj nauki v period Vtoroy mirovoj voyny [The heyday and decline of German science during the Second World War]. In: *Itogi Vtoroy mirovoj voyny* [Results of the Second World War]. Moscow: Izd-vo inostr. lit. pp. 335–355.
13. Walker, M. (2003) Nauki pri natsional-sotsializme [Science under National Socialism]. In: Kolchinskij, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical and Comparative Essays]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 701–727.
14. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Markevich, N.G. & Merkulov, S.A. (2008) Iz istorii instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniya soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Minutes of the Council of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–43.
15. The Center for Documentation of the Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1078. List 2. File 1.
16. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1562. List 1. File 700.
18. The Center for Documentation of the Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 7.
19. The Center for Documentation of the Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 9.
20. Stepnov, A.O. (2018) "Witch-hunt" in the Tomsk academic microsocety: to the problem of the mental existence of the Russian professors under class identity deformation during the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 56. pp. 53–65. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/56/7
21. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2017) Transformation of the corporate identity and image of Tomsk University in the 1920s *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 172–181. (In Russian).
22. Kremontsov, N.L. (2003) Sovetskaya nauka i vojna [Soviet Science and War]. In: Kolchinskij, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical and Comparative Essays]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 783–817.